

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от

Москва

30 МАР 1958 №

С. ГАЛКИН

Юбилей Госета

Художественный руководитель Госета
С. М. Михоэлс

Двадцатилетний путь московского Госета мне представляется полным непрерывной борьбы за новое понимание жизни, за новое отношение к человеку, за переоценку многих ценностей в историческом прошлом еврейского народа, за новое понимание актерами своих задач, одним словом, за новый, социалистический театр.

Юбилейные даты располагают к размышлениям. Не только как драматург, близкий Госету, но и как его давнишний зритель, я хочу поделиться вслух своими мыслями об этом замечательном театре.

Принято считать, что с самого своего рождения Госет подчинил интересы художественного содержания спектакля внешней эстетической форме. Это так и не совсем так. В самом начале московского периода своей работы Госет поставил одноактную комедию Шолом-Алейхема «Мазл-тов». Это был реалистический, насыщенный живым юмором спектакль. Михоэлс и другие лучшие актеры Госета уже тогда стремились быть художниками-реалистами, вопреки влиянию и требованиям режиссера театра Грановского. Грановский — режиссер-формалист, режиссер-деспот — беспощадно и жестоко подавлял всякое проявление творческой индивидуальности актера. До живого человеческого образа, до переживания актера, его мыслей и чувств ему не было никакого дела. Он не мог примириться с тем, что в игре таких актеров, как Михоэлс, Зускин, Финкелькраут, Гертнер, Ротбаум, Гольдблат и др., проявляется взволнованная мысль и глубоко человеческое чувство настоящего художника.

Осмеять темные стороны дореволюционного мещанского еврейского быта, осмеять жестоко и беспощадно, — такую задачу естественно было поставить перед собой еврейскому советскому театру. Отсюда и гротеск, как преобладающий прием актерской игры в первое десятилетие существования Госета. В злых, насыщенных сарказмом и едкой злобой масках было нечто символическое. Эти маски иногда напоминали привасилищающие тени. Но в них была своя правда. Ее по-разному понимали эстетствующий формалист Грановский и Михоэлс и его друзья актеры. Для Грановского в этих масках заключалась вся его идея театра, а для актеров Госета во главе с Михоэлсом — это были полемические приемы игры, тот нафос отрицания, который должен был в конце концов привести к утверждению в театре новых социальных форм, нового человека и его нового облика.

Следы этой непримиримой борьбы сохранились и в спектакле «200.000». Михоэлс и Зускин создали незабываемые образы Шимель Сорокера и Свата, а режиссер Грановский старался во что бы то ни стало втолкнуть этих чувствующих и мыслящих актеров в узкие рамки своей бесцельной формалистической «композиции».

Кто вышел победителем из этой борьбы актеров-реалистов с режиссером-формалистом, мы все увидели через несколько лет в спектакле «Юлис» (М. Даниэль). Это был спектакль, революционный не

только по своему содержанию, но и по трактовке его актерами и режиссурой (Радлов совместно с Михоэлсом).

Грановскому драматургу в театре был не нужен. Ему достаточно было иметь спешарий в несколько сот слов. Не случайно только после того, как Грановского не стало в Госете, двери театра широко открылись перед еврейским советским драматургом. «Мера строгости» Бергельсона (в которой Зускин создал замечательный образ обвинителя-доктора Вабнцкого, стремящегося в эпоху жестоких классовых битв занять позицию человека, стоящего «над схваткой»), «Суд идет» Добрушина, «Спец» Добрушина и Нусипова, «Плотина» Орлава, «Земля» П. Маршана и др. — каждая из этих постановок занимает немаловажное место в творческой истории Госета.

«Король Лир» знаменовал собою не только обращение театра к мировой классике, но и возникновение у Госета интереса к исторической теме. Эта шекспировская постановка была новым поворотным этапом в творческой истории Госета. Это был и наиболее актерский спектакль в его репертуаре. Лир — Михоэлс дал новую сценическую и философскую интерпретацию бессмертной трагедии Шекспира. Влекаясь в этом спектакле играл Зускин роль шута. Спектакль, нигде за пределами СССР не показанный, стал вскоре предметом оживленной полемики и пристального изучения театроведческой литературы Западной Европы и Америки.

Актеров театра долго воспитывали в духе огульного, безоговорочного отрицания всего исторического прошлого еврейского народа. И потому казалось, что Госет не в состоянии показать на своей сцене подлинного героя прошлого, не обезображенного маской и гротеском. Но в последующие годы творчества Госета опровергло эти сомнения. В 1937 г. театр с большим успехом поставил историческую легенду «Суламифь» (режиссер Михоэлс, художник Рыбин, музыка Пульвера). В 1938 г. был поставлен «Бар Кохба» (режиссер Крель, художник Тышлер, музыка Пульвера). Значение этого спектакля для театра велико. Историческая тема прозвучала на сцене Госета остро, была полна своеобразной аллюбидности. В этом спектакле Госет полемизировал с неверной концепцией талантливейшего писателя Льона Фейхтвангера об эпохе иудейских войн против римского империализма. Госет противопоставил предателю Иосифу Флавию, так возвеличенному Фейхтвангером, образ действительно народного вождя, до последнего издыхания борющегося за интересы трудового народа, против римлян и «родной» оппортунистической аристократии.

Величайшим спектаклем вопля в репертуар театра «Семья Овадис» П. Маршана. Впервые со сцены театра заговорили героические персонажи наших дней. Семья плотопонов Овадис — мужественные защитники дальневосточных рубежей нашей социалистической родины.

Фантастика, сказочность, шарж уступили место реализму. Новые возможности открылись для режиссуры и актеров. Старые спектакли Госета всегда ставились для одного-двух «главных» исполнителей, которым остальные актеры должны были подыгрывать. Актерскому ансамблю не было. В последние годы каждый новый спектакль Госета открывает зрительному залу новых талантливых актеров. Рядом с Михоэлсом и Зускиным появились новые имена: Финкелькраут — в роли старика Овадис и профессора Полежаева, Ром — в ролях матери Овадис и Голды в «Тевье-молочнике», Розина — в роли Суламифи, Шехтер — в роли Бар-Кохбы и др.

На новые творческие пути повел Госет его бессмертный за последние десять лет художественный руководитель и талантливейший режиссер народный артист С. М. Михоэлс.

Шолом-Алейхем всегда был любимым писателем Госета. Эпопея о Тевье на сцене Госета чрезвычайно поучительна как результат долголетних и усилненных поисков театрального стиля Шолом-Алейхема. Этот спектакль, свидетельствующий о зрелости Госета, дает нам право пожелать в дни 20-летия, чтобы театру было присвоено имя Шолом-Алейхема, этого крупнейшего писателя-реалиста. Имя великого писателя являлось бы заслуженнейшей наградой за творческие успехи Государственного московского еврейского театра.